

Марина ГОЛУБ:

Мне нравятся роли надломленных женщин

Беседовала
Марина Квасницкая

Ведущая актриса МХТ Марина Голуб для многих зрителей стала воплощением комедийной и острой характерности. Ее коллеги порой жалуются: «Если нужна яркая комедийная актриса, зовут всегда Голуб, как будто других актрис не существует!» Однако на ее счету есть и иные роли.

— Одна из книг Аллы Демидовой называется «Вторая реальность». А вы хотели бы, как актриса, начать свою судьбу с чистого листа?

— Любимый актер вам скажет, насколько сложно вырваться из рамок сложившегося амбула. Но я уже вступила во вторую реальность, сыграв Гертруду в «Гамлете» и сходную историю в фильме по сценарию братьев Пресняковых «Изображая жертву» в режиссуре Кирилла Серебренникова. Вслед за характерными и комедийными ролями ко мне пришли, наконец, глубокие драматические роли. Я очень изголодалась по героиням со сложной духовной организацией, с высоким строем чувств и мыслей. Мне нравятся роли надломленных женщин в поисках судьбы, жизни, любви. Мне для этого хочется быть более худой, утонченной во всех смыслах этого слова. Я к этому иду в остром желании второй реальности. Я тайне надеюсь переиграть тех героинь, которые закрепились за мной. Демидовой ее имидж интеллектуальной актрисы — и Раневскую, и Медею.

— Режиссер спектакля «Гамлет» Юрий Бутусов жестко формулирует задачи или дает карт-бланш?

— Он дает бесконечный карт-бланш, идет от актерской интуиции. И лишь когда актеры сполна выскажутся и выразят свое видение персонажа на репетициях-пробах, тогда начинается с его стороны сужение рамок и отбор интересных решений: «А помнишь, ты здесь делала вот так? Вспомни проходку и этот жест». Вообще-то я знала, что он сложный в работе. Но что такой сложный, не ожидала. Он нас вдергивал в эти эмоции, и сам в них входил, как в транс. Он жесткий: он кричит, когда доволен, кричит, когда огорчен, но тогда уж это звучит так, что тебе надо уйти из профессии.

— Помимо сдержанности внешнего облика эта роль решена в очень сдержанной ла-

коничной манере. Как здесь шел отбор средств выразительности?

— Мне как актрисе очень интересно сыграть трагическую роль скупыми, но сильными средствами. Я понимала, что здесь моя героиня может рассмеяться, а может просто бросить взгляд — и это будет сильнее. Помог сам текст Шекспира. Этот персонаж, один из самых значимых по смыслу истории, почти лишен больших монологов. Гамлет фонтанирует монологами, а его мать страдает молча, но не менее сильно. Это трагедия, которая вся внутри, как затаившийся вулкан. Вообще можно сказать, что немногословная трагедия — это для меня испытание на актерскую зрелость.

— Ваша роль решена очень сильными, но лаконичными средствами, что, в свою очередь, требует очень тонкого, талантливого зрителя. Как обстоит дело с этим?

— Таких зрителей действительно немного. Играя в «Гамлете», мы, актеры, особенно остро это чувствуем. В спектакле заняты такие раскрученные медийные персоны, как Михаил Пореченков, Константин Хабенский. И в зал приходит много юных фанатов, которые ждут гэгов, шуток, экшна. Зритель хочет смеяться порой в самых неподходящих местах, где трагическая история должна достигать апогея. Это порой так изматывает нас! Хотя режиссер заложил в рисунок спектакля немало трагифарсовых эпизодов, но этот смех должен

тихшие фанатки, эти «сырки», сидят с посерьезневшими лицами, — это дорогого стоит. Хотя два часа назад я готова была их просто убить! Иногда я с ностальгической грустью вспоминаю тонких и умных зрителей на моих эстрадных выступлениях в научно-исследовательских институтах. Как они умели на лету ловить все нюансы юмора, как умели поддержать. И сейчас иногда в провинции попадает такой роскошный зритель! Старая интеллигенция. Но в последние годы из-за высоких цен на билеты этот зритель тоже редок: его вытесняют люди другой формации. Это хозяйка жизни, люди со своим драйвом, но с несколько иным запросом к искусству.

— Говоря о спектакле «Тартюф» в МХТ, хочется коснуться любопытной темы. Этот нещадно обруганный критиками спектакль стал просто хитом зрительских симпатий. Отчего, на ваш взгляд, такая дистанция в оценке?

— Так уж сложилось. Зрительская любовь с лихвой зализала раны, нанесенные критиками. Я бы сказала, что спектакль невероятно успешен. Таких оваций и теплых слов нет после ни одного спектакля. Мы репетировали спектакль с удовольствием, и эта хорошая энергетика сохранилась в этой комедии на сцене. С режиссером Ниной Чусовой мы сразу подружились. Мы с ней похожи по темпераменту. Она молниеносно придумывает решения и ставит задачи. Я

— А чем поразила вас Питер Гринуэй на съемках фильма «Чемодан Талса Лупера»? Говорят, что его творческая манера шокирует и притягивает одновременно?

— Питер Гринуэй дал мне абсолютное ощущение космоса. Он умел дать невыполнимое по сложности задание, и я словно под гипнозом это делала. С одной стороны, это был вызов моему профессионализму, но одновременно и внутреннее, что я это могу. Он что-то такое вкладывает в тебя, что открываются давно закрытые клапаны и ты начинаешь существовать в профессии в тысячу раз эффективнее. Помню один рабочий момент. Моя героиня только что вышла из ванной, слегка прикрытая каким-то боа, стоит и пьет чай, ему хозяину на лицемерного злодея Тартюфа, она помогает влюбленным соединиться, она — подружка всех событий в доме Оргона. Я играю женщину остроумную, легкую на подъем, кокетливую. Мольер подарил ей яркую образную речь, и я как актриса очень ценю колоритный текст. Я просто купаюсь в этой выигрышной комедийной роли.

ловеке, и ты думаешь, что, может быть... А теперь еще добавим, что... Вторые и двадцать вторые планы множились в прогрессии! Я говорила: «Питер, стоп!» «Нет, давайте дальше придумаем! Тебе нужно время?» — Он воодушевился. И я произносила «опемент» и внутренне собиралась за секунды.

На этих съемках все было необычно, даже грим. Мне сделали ярко-красные губы, и больше косметики не потребовалось. Я робко просила «a little make-up», но мне лаконично ответили, что здесь не Голливуд. Здесь отношение к красоте было иное, она другому ложилась на целлюлоид в картине мастера. В результате совместной работы все было необычно, и я не думала, что могу быть такой на экране. Конечно, в результате получился сложный фильм. Как справедливо сказал Гринуэй: «Когда выпускаешь в фильм 20% эксперимента, то 80% зрителей его покидают». Но со временем этот фильм станет пособием для режиссеров. Он технологическими вещами, неординарным монтажом, гримом, цветом, светом,

звучком, достигает зрительских эмоций. Это кино будущего. У него форма — она и есть содержание.

Сама личность Гринуэя была неординарной, он словно заворочил меня всем своим обликом. Он такой лорд, красивый, породистый мужчина, который одновременно притягателен и недоступен. У него убийственное умение держать дистанцию. После съемок я хотела как-то тепло с ним попрощаться, но как подойти? Я подошла к нему сзади, когда он склонился над письмом, и поцеловала его в плечо. Сказала слова немислимой благодарности и получила в ответ: «Спасибо за честную работу». И я ехала со съемок с таким идиотски счастливым лицом, как в фильме «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин едет с премьеры в тюрьму, с таким же ощущением невероятного счастья.

— Какой еще профессиональный опыт дает актрисе работа с западным режиссером?

— Мне посчастливилось работать с англичанином Декланом Доннелланом над ролью Хозяйки корчмы в спек-

такле «Борис Годунов». Он уникальный человек и педагог. Он учит актеров работать над своей творческой лабораторией, расширяя ее границы, учит широте мышления в работе над образом. Он дает тебе в руки новые технологии существования в профессии. Ты начинаешь более продуктивно работать, выдавая вместо старых безотказных штампов очень объемную роль. Он всегда спрашивает актера: про что важнее сыграть эту историю? Можно сыграть об этом, а можно — об этом. Он называет это ставкой актера. Чем крупнее ставка, тем объемнее роль. Так, например, вы разговариваете с каким-то значимым человеком, вы можете поговорить с ним об этом и решить мелкую сиюминутную задачу. А можете поговорить об этом, сделать разговор стратегически масштабным, проявив себя.

Доннеллан говорил, что в роли Хозяйки корчмы можно сыграть разухабистую хлебосольную бабу, и это не будет ошибкой. А можно сыграть масштабную личность с нереализованными амбициями. То-

гда станет понятно, почему она помогает самозванцу Гришке Отрепьеву. И сразу амплитуда образа вырастает. Те зерна, которые бросил в мое сознание Доннеллан, потом выросли в моих последующих работах, особенно в работе над образом Гертруды в спектакле Юрия Бутусова «Гамлет». Во время репетиций я думала: про что важнее здесь сыграть?

— Работа на Западе у режиссера Питера Гринуэя повлекла за собой предложения от иностранных кинорежиссеров?

— Мне предложили сняться в Америке с Харрисоном Фордом в фильме «К-19», сыграть жену его персонажа, но я отказалась. Мне эта история о подводной лодке показалась такой спекулятивной, ведь совсем недавно мы пережили трагедию подводной лодки «Курск». Я сказала, что я российская актриса и не могу подвести своего режиссера: я тогда должна была сниматься в «Свадьбе» Павла Лунгина. Представитель кинокомпании кричал, что от таких предложений не отказываются, очевидно, я чего-то не понимаю. Он не мог понять мою логику. На этом мы и расстались.

— После театрального вуза вы долго работали на эстраде. Это дает творческий рост драматической актрисе?

— Я пошла на эстраду по совету мамы. Однако и там можно сделать интересную карьеру, если не идти на поводу у пошлости, если работать с хорошими авторами. Судьба великого эстрадного артиста Аркадия Райкина тому подтверждение. Мне очень помог опыт на эстраде — это острое ощущение шутки, паузы, контакта с залом. Когда ты выходишь на эстраду с монологом, ты учишься держать зал. Это неоценимый опыт.

— Ваш муж — актер Анатолий Белый. Вы говорите с ним о работе?

— Я говорю ему, что он гений. Актёру важно, чтобы ему это сказали. Он иногда вдруг выдает такие вторые и третьи планы в роли, что непонятно, как он это делает? Я иногда с ним советуюсь в работе, спрашиваю, что мне делать в этом моменте роли? А он говорит: «Это химия. Это произойдет само. Не узнавай все дотошно. Пойми что-то главное, остальное придет». Так, кстати, всегда говорили актеры старой школы: «Химичь!»